

1959

1959

[Redacted]

1958

89
1675

СТЕШАШЫТЬ-СТАРИЧЕКЪ.

(Посмертный біографическій очеркъ сельскаго
дьячна 40—60-хъ годовъ).

СОСТАВИЛЪ

Аполлоевъ Благовѣщенскій.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

ОДОБРЕНА: Учебнымъ при Св. Синодѣ Комите-
томъ для учебническихъ бібліотекъ Д. СЕМИНА-
РІЙ И УЧИЛИЩЪ, Училищнымъ при Св. Синодѣ
Советомъ для ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ ШКОЛЬ и
учениамъ Комитетомъ для НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

ЦѢНА 20 КОП.

Адресъ: Кострома Д. Училища. Учителю А. Благовѣщенскому.

КОСТРОМА.
Въ Губернской Типографіи.
1871

5908

СТЕПАНЫЧЪ-СТАРИЧЕКЪ.

(Посмертный биографическій очеркъ сельскаго дьячка
40—60-хъ годовъ).

810/21

5-68

ПРОВЕРЕНО
1928

СОСТАВИЛЪ

Аполлосъ Благовѣщенскій.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

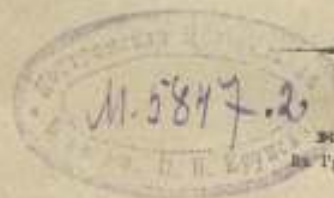
Одобрена Учебнымъ при Св. Синодѣ Комитетомъ для
ученическихъ библиотекъ Д. Семинарій и Училищъ, — и
Училищнымъ при Св. Синодѣ Совѣтомъ для Церковно-
Приходскихъ школъ.

ЦѢНА 20 КОП.

Адресъ: Кострома. Д. Училище. Учителю А. Благовѣщенскому локонѣ

КОСТРОМСКАЯ
Областная библиотека
Благовѣщенскому локонѣ

2282

КОСТРОМА.
въ Губернской Типографіи.
1911

БИБЛИОТЕКА
КОСТРОМСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
62822

8(c) 1

Степанычъ-старичокъ *).

(Посмертный біографическій очеркъ сельскаго дьячка).

Въ селѣ большомъ «Пречистое»
Окончилъ жизнь дьячокъ,
Сомкнулъ уста рѣчиствы
Степанычъ-старичокъ.

Старикъ онъ былъ осанистый,
Съ большою бородой,
Съ широкою, окладистой,
И весь какъ луна съдой.

Ходилъ всегда въ подрясникѣ;
Волосъ не подстригалъ;
Бушакъ широкій въ праздники
На чресла надѣвалъ.

Имѣя возрастъ старческій,
Старикъ былъ свѣжъ и бодръ;
Исправенъ въ службѣ дьяческой
По самый смертный одръ.

*). Алексѣй Степановичъ Благовѣщенскій, дьячокъ села Стано-Успенскаго—(оно же и Пречистое въ Черноташнѣ)—Любимскаго уѣз. Яросл. епар., скончался 17-го августа 1887 года.

Ходилъ на колокольную дѣдъ
По лѣстницамъ крутымъ,—
Ползкомъ всиодзалъ подъ старость лѣтъ,
Когда не могъ войти.

Въ дьячковскомъ положеніи
Полсотни слишкомъ лѣтъ
Служилъ онъ со смиреніемъ:
Умѣлъ старикъ терпѣть!

По должности рачительный,
Скончавшійся дьячокъ
Къ начальству былъ почтителенъ:
Служака—старичокъ!

Всю жизнь съ благоговѣніемъ
Предъ батюшкой служилъ,
Его благословеніемъ
И словомъ дорожилъ.

[Но полное ласкательство
Степанычъ презиралъ;
Лъстецовъ за пресмыкательство
Онъ низкими считалъ].

За честное служеніе,
За то, что былъ смиренъ,
«Отличнымъ поведеніемъ»
Начальствомъ былъ почтенъ.

А съ равными Степанычъ жилъ
Какъ будто братъ родной,
Хотя и старше многихъ былъ
И выше головой *).

*) Покойный, по словамъ его товарищей, былъ изъ числа лучшихъ учениковъ, и вышелъ изъ Риторика по соб-

Старикъ ни съ кѣмъ не ссорился,—
Вражды онъ не любилъ;
А если съ кѣмъ размолвится,
Прощенья самъ просилъ.

Сердечнымъ словомъ, ласкою
Другихъ онъ примирялъ;
Враговъ рукою братскою
На вѣкъ соединялъ.

Съ приходжанами ласковый,
Готовый на привѣтъ,
Отъ нихъ онъ одинаковой
Любовью былъ согрѣтъ.

Его любили старые,
Какъ самъ онъ, старики;
Любили дѣти малыя,
Богачъ и бѣдняки.

Въ приходѣ многочисленномъ
Скончавшійся дьячокъ—
Какъ гость родной; во всякій домъ
Былъ принятъ старичокъ.

Во всякомъ домѣ—крестники;
Отцы ихъ—кумовья;
Родня—отцы ровестники,
Родня—ихъ сыновья.

Бывало, въ дни пасхальные
Степанычъ каждый разъ
Всѣ яйца сандалевыя
По крестникамъ раздастъ.

ственному желанію, намѣревался поступить на гражданскую службу, что впрочемъ ему не удалось.

Порокъ любостыжанія
 Былъ чуждъ для старика;
 Привыкъ онъ къ состоянію
 И нуждамъ бѣдника.

Напротивъ безкорыстіемъ,
 Сердечной добротой
 Прославился въ «Пречистое»
 Дьячокъ—старикъ сѣдой.

Всѣ странники и нище,
 Босой, голодный людъ,
 Всѣ шли къ дьячку за нищею,
 Искать себѣ приютъ.

И всѣхъ съ расположеніемъ
 Подъ кровъ онъ принималъ;
 За счатье, одолженіе
 Помочь въ нуждѣ считалъ.

«Садитесь-ка», Степанычъ звалъ,
 «Почтенные, за столъ;
 «Покушаемъ, что Богъ послалъ,—
 «Обѣдать часъ пришелъ».

Собака-ли бездомная,
 Зброшенный щенокъ,
 Когда скулять голодные,
 И имъ подасть кусокъ.

* * *

Въ семьѣ родной Степанычъ былъ
 Отцомъ своихъ дѣтей;
 Жену свою душой любилъ,
 Но гробъ былъ вѣренъ ей.

Женившись въ годы раніе

На бѣдной сиротѣ,
 Онъ взялъ за ней въ приданое
 Сиротъ же въ нищеть.

Потомъ семья умножилась
 Отъ собственныхъ дѣтей;
 Вадохнулъ дьячокъ, поешися,
 За трудъ взялся живѣй.

Здоровьемъ крѣпкимъ, волею
 Степанычъ обладалъ;
 Въ борьбѣ съ тяжелой долею
 Онъ равнаго не звалъ.

Во время лѣта знойнаго
 На полѣ работалъ,
 Съ утра до часа поздняго
 Косилъ, оралъ, пахалъ.

А скучной темной осенью
 И зимнею порой
 Визалъ онъ дровни-копани,
 Строгалъ, пилялъ пилой.

Плечомъ, рукой мозолистой
 Въ работѣ потовѣй
 Дьячокъ, въ борьбѣ упористый,
 Стижалъ хлѣбъ трудовой;

И тѣмъ семью поддерживалъ,
 Кормилъ и одѣвалъ;
 Невзгоды всѣ выдерживалъ,
 На Бога уповалъ.

Дѣтей до школы самъ училъ
 Читать, писать и пѣть;
 И добрый имъ совѣтъ внушилъ
 Трудиться и терпѣть.

Потомъ ихъ въ заведеніяхъ
Учебныхъ содержалъ;
Всегда съ благословеніемъ
Встрѣчалъ и провожалъ:

«Учитесь, дѣтки милыя,
«Старайтесь для себя;
«Для васъ потрачу силы я,
«Здоровья не щади.»

И подлинно, оцъ жертвовалъ
Всей жизнью для дѣтей;
Для нихъ трудился, бѣдствовалъ
Съ супругою своей.

Въ долги входилъ тяжелые,
Скотинку продавалъ;
Самъ босъ и плечи голыя,
А дѣтокъ одѣвалъ.

Отца, звать, дѣти поняли;
Родительскій совѣтъ:
«Учитесь, дѣтки,» помнили,
Старались уснѣть.

Съ уснѣхомъ курсъ ученія
Окончилъ сынъ большой;
Степанычъ въ восхищеніи,
Отъ счастья самъ не свой.

Подъ сильнымъ чувствомъ радостнымъ
Заботы все забылъ,
Молебень благодарственный
Во храмѣ отслужилъ.

* * *

Но радость съ горемъ дружатся,
Какъ братъ съ сестрой родной;

Одно лишь обнаружится,
Другое за спиной.

Подруга жизни вѣрная,
Степаныча жена,
Хозяйка, мать примѣрная,
Слегла въ постель,—больна.

Лежить въ постели бѣдная,
Куска не съѣсть, не пить;
Какъ холстъ бѣленный, блѣдная;
На лбу холодный потъ.

Почула сердечная,
Что жить не долго ей;
Позвала съ дѣла спѣшнаго
Супруга и дѣтей.

Взяла икону Божию
Дрожащею рукой;
А дѣти у подножя
Склонились головой.

«Простите, мои дѣтушки,—
«Ужъ мнѣ не долго жить;
«Ростите, малолѣтушки;
«Васъ Богъ благословитъ.

«Отца любите, слушайтесь;
«Не ссорьтесь межъ собой;
«Кусокъ одинъ все кушайте;
«Справляйтесь съ нуждой.

«А ты, товарищъ дней моихъ,
«Степанычъ, не женись;
«Не для себя прошу, для нихъ...
«Да ты не осердись!»

Геройски отражающій

Незгоды жизни сей,
Стоялъ съ душой страдающей
Степанычъ Алексѣй.

Съ раскатомъ грома гранули
Изъ тучи въ лѣтній зной;
Стрѣлой вонзились, ранили
Дьячка слова больной.

Какъ дубъ подъ бурей сильною,
Затресся нашъ герой;
Изъ глазъ слеза обильною
Катилась струей.

«Эхъ ты, моя голубушка»,
Сквозь слезы мужъ пенялъ;
«Объ нихъ-вотъ моя думушка...»
И дѣтокъ онъ обвѣялъ.

Супруга успокоилась
И мужа обвила;
Предчувствіе исполнилось:
Больная умерла.

Подругу жизни вѣрную
Степанычъ схоронилъ,
И счастье съ ней послѣднее
Въ сырой землѣ зарылъ.

Одна была помощница
Въ заботахъ и трудахъ,
Совѣтница, работница
Въ хозяйственныхъ дѣлахъ.

Вдвоемъ съ своей супругою
Степанычъ работалъ,
И съ ней, своей подругою,

Какъ голубь ворковалъ.

Вдвоемъ работа трудная
Катилась колесомъ;
Заботы, доли скудная
Казались ни по чемъ.

Когда усталый, насмурный
Степанычъ шёлъ домой,
Жена на встрѣчу съ ласкою,
И усталъ—съ плечъ долой.

Въ дому—покой усталому,
Уютно и тепло;
Рѣзвится дѣтки малыя,—
И на сердцѣ свѣтло.

Жены не стало, матери,—
Весь домъ осиротѣлъ;
По мамѣ дѣти плавали,
На нихъ отецъ глядѣлъ...

Глядѣлъ отецъ на плачущихъ
Дѣтей, душой страдалъ;
Хотѣлъ утѣшить горе ихъ,
Но какъ и чѣмъ, не зналъ.

Дѣтей осталось пятеро,
Малютка—дочь двухъ дѣтъ:
Какъ будутъ жить безъ матери?
Кому обмыть, одѣтъ?!

Въ тоскѣ, съ душой унылою
Грустилъ дьячокъ—пидовець...
«Не плачьте, дѣтки милыя!»
Сказалъ онъ наконецъ.

«Родимой вашей матушки
Ужъ намъ не воскресить;

«Подумаемъ, ребяташки,
 «Безъ мамы какъ намъ жить,
 «Ты, старшая, Людмилашка,
 «Большухой быть должна;
 «Старайся, что есть силушки,
 «Заботься, будь умна.
 «Ходи за всей скотинушкой,
 «Объдь намъ припасай;
 «За крошкой-сиротинушкой
 «Смотри; какъ мать, ласкай.
 «И знаю, что трудненько быть
 «Большухою тебѣ;
 «Въ пятнадцать лѣтъ равенько бы
 «Сидѣть весь день въ избѣ,
 «Когда подружки рѣзвыи»....
 Но тутъ рѣчь прервалась;
 Большуха, какъ подъ лезвиемъ,
 Завыла, затряслась.
 Къ сестрѣ на шею кинулась,
 Повисла на плечахъ;
 Сплелась руками, сдвинулись
 И съ мѣста ни на шагъ.
 Стоять двѣ сиротинушки,
 Кунаются въ слезахъ,
 Какъ осенью былиночки
 На сжатыхъ полосахъ.
 Потомъ къ отцу придвинулась,
 Склонилась на грудь;
 «Ты насъ», со стономъ вырвалось,
 «Ты насъ не забудь!...»
 Отецъ ужъ тутъ не выдержалъ,

Съ собой не совладалъ;
 Бѣ отцовской груди дочь прижалъ
 И горько зарыдалъ....
 «Ну, будетъ плакать, полноте!»
 Сказать едва онъ могъ;
 Въ несчастяхъ, въ нуждахъ, помните,
 Для насъ защитникъ — Богъ.
 «Владычица небесная, —
 «Вотъ мать всѣмъ сиротамъ;
 «Съ молитвой теплой, слезною
 «Падемъ къ Ея столамъ».
 Сказалъ и предъ иконами
 Лампаду засвѣтилъ,
 Съ слезами и со столами
 О помощи просилъ;
 Молилъ Царя небеснаго,
 Подателя щедротъ,
 Явить пощаду грѣшному,
 Приврѣть дѣтей — сиротъ.
 Молитва благотворная
 Облегчила печаль;
 Замолкли стоны слезные;
 «Аминь», отецъ сказалъ,
 * * *
 Услышалъ Богъ моленіе
 Несчастнаго вдовца,
 Послалъ благословеніе
 На дѣтокъ и отца.
 Труды, заботы по дому
 Несла большуха — дочь;
 Съ зарей вставала, въ позднюю

Ложилася въ полночь,
Истопить печку, ши сварить,
Въ избѣ все прибереть;
Сестру-малютку выпарить,
Рубашечку сошьеть.

Работы-же напольныя
Степанычъ самъ справлялъ;
И въ полѣ въ дѣто знойное,
И къ службѣ посидѣвалъ.

Проснется въ равню зорюшку,
Лошадку запряжеть;
Полоски двѣ до солнышка,
Посмотришь, и—взореть.

Потомъ съ благословенія
Къ заутрени звонить;
А дочь Анюту, среднюю,
Отправить боронить.

Когда работа сѣшная
Начнется по лугамъ,
(Заразъ весь лугъ по здѣшнему
Косить по полосамъ),—

Тогда-то свою силушку
Степанычъ напругалъ,—
Плечомъ, рукою жилистой
И грудью налегалъ.

Мокра рубашка, волосы,
Отъ тѣла паръ столбомъ;
Такую-жъ точно полосу,
Какъ онъ, косятъ втроемъ.

Пришло житье притужное.

Но все бы ни по чемъ;
Родня дѣичку—все трудное,
Удѣлъ—ломить плечомъ.

Работа не осилила
Работника—борца;
Потеря друга милаго
Терзала грудь вдовца.

Глядитъ: житье веселое,
Совѣтъ, любовь кругомъ;
Его житье—тяжелое:
Супруги нѣтъ при немъ.

Нѣтъ рядомъ друга вѣрнаго:
Лежитъ въ землѣ сырой;
Нѣтъ слова задушевнаго,
Нѣтъ ласки дорогой.

Усталый и измученный
Заботой и трудомъ,
Груститъ вдовецъ—нахмуренный,
Понуривши челою.....

—«Да что грустишь, Степанычъ-свѣтъ?»

Сосѣдка какъ-то говоритъ.

—«Жены не стало», былъ отвѣтъ,
«Ничто меня не веселитъ».

—«Ну вотъ, нелегкая кручина!
«И есть о чемъ тутъ тосковать;
«Кажись, не глупый ты мужчина,
«А знать, меня не миновать.
«Была жена да умерла:
«Ну, значить, смерть за ней пришла;
«А ты-то чѣмъ же виновать?
«Мужчина ты еще въ порѣ;

• Мычитъ скотинка на дворѣ;
 • А въ домѣ пятеро ребятъ....
 • За всѣмъ вѣдь нужно присмотрѣть;
 • Ребятъ обшить, обмыть, одѣть.
 • Послушай бабьяго ума:
 • Въ примѣтѣ есть моя кума,
 • Лицомъ красива и умна,
 • Дородна тѣломъ и скромна;
 • Въ работѣ всякой мастерица;
 • Ну просто—краса, не дѣвица.
 • Вѣдь—ей сидѣть бы во свѣтлицѣ,
 • Не то что быть пономарицей,
 • Отъ платевъ стонуть сундуки;
 • Отецъ и мать ужъ старики;
 • Вѣдь ста годовъ не проживуть;
 • Умрутъ,—всѣ деньги ей пойдутъ.
 • Такъ вотъ-бы добрый мой совѣтъ,—
 • Добра хочу тебѣ, замѣтъ!—
 • Себя напрасно не томить,—
 • Пора покойницу забыть;
 • А взять-бы новую жену;
 • Она и дѣткамъ будетъ мать,
 • Ласкать ихъ будетъ, одѣвать,
 • Тебя полюбитъ.... Слышишь?

— Ну?—

— Да ну ужъ, словомъ, будетъ кладъ;
 • Умѣй руками только взять.
 — Боюсь, соседка, этотъ кладъ
 • Составитъ лишнюю мнѣ кладъ.
 • Положимъ, я и не старикъ;
 • Но, помни, двадцать пять годовъ
 • Любилъ покойную *Любовь*;
 • Такъ, значитъ, къ ней и попривыкъ;

• Къ другой ужъ трудно привыкать,—
 • Себя подъ старость не ломать;
 • А, какъ покойница, такой
 • Мнѣ не сыскать уже другой.

* * *

• Что деньги будутъ, ворожишь,
 • Отъ платя стонуть сундуки....
 • Меня ты этимъ не прельстишь;
 • Тому богатство не съ руки,
 • Кто жизнь всю прожилъ бѣднякомъ!
 • Ходилъ въ лаптяхъ и босикомъ...
 — Экъ чѣмъ расхвастался: бѣднякъ,
 • Хожу въ лаптяхъ и босикомъ....
 • Ну такъ и знай же, коли такъ,
 • Что и умрешь ты бѣднякомъ!
 — Ну чтожь? Мнѣ бѣдность не страшна,
 • Ты видишь это и сама;
 • Скорѣй богатства дароваго
 • Боюсь, чѣмъ гроша трудового.
 • Цѣню и деньги лишь тогда,
 • Когда въ нихъ есть слѣдъ труда,
 • Когда я нажилъ ихъ добромъ,
 • Плечомъ да грудью, да ребромъ.

* * *

• А что для дѣтокъ будетъ мать,
 • Что будетъ ихъ любить, ласкать....
 • Такъ ты видала-ли траву,
 • Что мати-мачихой зовутъ?—
 • Ростеть она на рѣчкѣ—тамъ,
 • По тонкимъ, глинистымъ мѣстамъ.
 • Трава та, подлинно, чудна:

4584

КОЛОДЕЦКАЯ
Знаменна дѣлается

М. Н.

«Больше листья; сторона,
 «Что сверху смотритъ, зелена,
 «Блеститъ, но только холодна;
 «А та, что внизу сторона,
 «Не такъ гладка и не свѣтла,
 «За то мягка, нѣжна, тепла;
 «Ласкаетъ будто бы она.
 «Трава та теплой стороной
 «Подобна матери родной;
 «А той, что къ солнышку глядитъ,
 «Не грѣетъ, только лишь блеститъ;
 «Что такъ красива, зелена,
 «Есть злая мачиха она.
 «Ну что, сосѣдка, поняла
 «Урокъ, что травка намъ дала?»
 — «Умень ужъ больно! Гдѣ понять!...
 «Твоимъ же дѣткамъ мать нашла;
 «Не хошь добра, такъ наплевать.»
 И съ тѣмъ сосѣдка прочь пошла.

* * *

Сосѣдка недовольная
 Ушла; вдовецъ вздохнулъ;
 Онъ вспомнилъ про покойную
 И слезу съ глазъ смигнулъ.

Онъ помнилъ слово данное,
 Быть вѣрнымъ ей одной;
 И перстни обручальнаго
 Не передалъ иной.

Мольбу жены прощальную:
 «Степанычъ, не женись»,
 Онъ помнилъ и со тщаніемъ
 Хранилъ въ душѣ всю жизнь.

Онъ видѣлъ сокрушеніе
 И плачъ дѣтей — сиротъ
 О мамѣ, и съ терпѣніемъ
 Несъ тяжести заботъ.

Когда-жъ при искушеніяхъ
 Душой изнемогалъ,
 Тогда за утѣшеніемъ
 Къ молитвѣ прибѣгалъ.

Молился съ сокрушеніемъ
 Молитвой мытаря,
 Просилъ о подкрѣпленіи
 Небеснаго Царя.

Молитву каждодневную,
 Закончивъ грудь дневной,
 Съ колѣнопреклоненіемъ
 Творилъ отецъ съ семьей.

Ужъ ночь глухая, темная,
 Въ избушкѣ тишина;
 Лампадка предъ иконами
 Мерцаетъ лишь одна,

Да слышны вздохи, шопотъ губъ
 Въ безмолвіи ночномъ;
 Скрестивъ на персяхъ длани рукъ,
 Отецъ читалъ псаломъ:

«Помилуй недостойнаго,
 «Омой мя отъ грѣховъ!
 «Очисти беззаконнаго,
 «Прими подъ Свой покровъ.

«Зачать я въ беззаконіяхъ,
 «Родился во грѣхахъ;
 «Струями благовонія

«Омой грѣховный прахъ,

«Душа моя митежная
«Томится отъ страстей;
«Дай силу, Боже, грѣшному
«Набави отъ кровей!....»

И дѣти съ умилениемъ

Читаютъ за отцомъ;

И вѣра и смиреніе

И кротость — предъ Творцомъ!

Молитвой теплою, пламенной
Онъ страсти укрощалъ
И дѣтокъ въ годы ранніе
Къ молитвѣ приучалъ.

И прожилъ цѣломудренно, —

Господь его хранилъ;

Себя дѣлами блудными

Вдовецъ не осквернилъ.

* * *

А время шло, катилось
Обычной чередой;
Душа съ тоской сроднилася,
Сжился вдовецъ съ бѣдой.

Дѣтей — сиротъ повзростилъ,

Не бромилъ, воспиталъ;

Устроилъ всѣхъ по мѣрѣ силъ

И самъ сѣдѣть ужъ сталъ.

Росли у дѣтокъ дѣтушки,
Сталъ прадѣдомъ дѣточкъ;
Его ужъ звали: «дѣдушко,
«Почтенный старичокъ.»

Подъ старость въ утѣшеніе
За скорби долгихъ дней
Встрѣчалъ старикъ почтеніе
И ласку отъ дѣтей.

На праздники стекался
Въ домъ старца вся семья;
Отца почитать старались
Отцы ужъ — сыновья.

Къ отцу въ родное гнѣздышко
Слетались, какъ птенцы,
Внучата малолѣтушки,
Ихъ матери, отцы.

Радушнѣе былъ старикъ сѣдой,
Любилъ водить хлѣбъ — соль;
Встрѣчалъ гостей съ родной душой
Степанычъ — хлѣбосоль.

Почуетъ сердцемъ отческимъ,
Что гость родной идетъ,
Бѣжитъ на встрѣчу тотчасъ-же,
Въ объятяхъ душить, жметъ:

«Спасибо вамъ, родимые,
«Что помните отца!»
А слезъ не удержишь
Сртуя бѣжить съ лица.

Гостями домъ полнехонекъ,
Родней и не родней,
И всѣмъ старикъ радехонекъ,
Со всѣми какъ родной.

Придетъ съ Богослуженія
Съ раслущенной косой,
Тронарь поетъ «Успенію,»

Гладеть поклонъ земной.

Потомъ съ великимъ праздникомъ
Привѣтствуетъ гостей;
Внучать одѣлать приникомъ,
Цѣлуетъ всѣхъ дѣтей.

[Быль добръ для внучать дѣдушка,
Ласкалъ ихъ, баловалъ;
Всегда, бывало, денежку
На пряникъ имъ давалъ].

Вкругъ дѣда выются ластятся
Внучата—шалуны;
На грудь къ нему таращатся,
Мирутъ, треплютъ сѣдины.

И дѣдъ играетъ съ малыми,
Качаетъ на рукахъ;
Цѣлуетъ въ щечку алую,
Таскаетъ на плечахъ.

Среди внучать и правнуковъ,
Весь бѣлый, въ сѣдинахъ,
Украшенный вѣнкомъ годовъ,
Старикъ—какъ патріархъ.

Въ кругу родныхъ на радости
Воспрянетъ дѣдъ сѣдой;
Забудетъ годы старости,
Поетъ какъ молодой:

«Среди долины ровныя»,
«На гладкой высотѣ...»
Поетъ, а слезы полныя
Текуть по бородѣ.

—«О чемъ ты плачешь, дѣдушка?
«Скажи, о чемъ взгрустнулъ?»

—«Про бабуку вашу, дѣтушки,
«Я вспомнилъ, про жену...»

«Была горазда *Лобушка*
«Попѣтъ, занять гостей;
«Взглянула бы, голубушка,
«На внучать, на дѣтей.»

—«А гдѣ же наша бабушка,
«Куда она ушла?»
—«Эхъ, глуные ребятушки,
«Она ужъ умерла!»

«Ужъ двадцать лѣтъ съ прибавкою,
«Какъ бабка умерла;
«Могилка ея травкою
«Давно ужъ заросла.»

Частечко про покойную
Степанычъ вспоминалъ,
И усъ сѣдой невольною
Слезю орошалъ.

* * *

А время шло. Старинушкѣ
За семьдесятъ ужъ лѣтъ;
Съ трудомъ ужъ гнется свинушка
И силы прежней нѣтъ.

Степанычъ ужъ постанывалъ,
Порой тѣснило грудь;
Ногами сталъ похрамывать:
Великъ прошелъ онъ путь.

Какъ путнику усталому,
Свершившему свой путь,

Дьячку сѣдому, старому
Пора-бы отдохнуть.

Но есть одна пословица,
Она намъ говоритъ:
«Не такъ живи, какъ хочется,
«А такъ, какъ Богъ велитъ.»

Степанычъ хоть и долго жилъ,
Не въ праздности, въ трудахъ;
Съ исправностью всю жизнь служилъ;
Но былъ всегда въ долгахъ.

Дѣтей училъ, пристраивалъ,
Всю жизнь въ нихъ проживалъ;
На старость не откладывалъ:
Не могъ, не успѣвалъ.

А служба не считается,
Служи хоть сто годовъ;
Дьячку не полагается
Знать отдыхъ отъ трудовъ.

А жить на содержаніи
У дѣтокъ не желалъ;
Какъ горько подавненіе,
По опыту онъ зналъ.

Не вкусной пищей, горькою
Казался хлѣбъ чужой;
Питаться черствой коркою
Хотѣлъ онъ, лишь своей.

Да сверхъ того большуха—дочь
Осталась на рукахъ;
Порой она не спитъ всю ночь:
Боль остра въ ногахъ.

Да еле-бродить, охаетъ

Сѣдая, какъ въ сѣбгу,
Своичина убогая,
Согбенная въ дугу.

А тутъ, сверхъ ожиданіи,
Скончался сынъ большой;
Просилъ онъ при прощаніи
Отца: «Родитель мой!

«Не въ пору, прежде времени,
«Я съ жизнью расстаюсь;
«Страдаю я подъ бременемъ,
«Скорблю душой, томлюсь.

«Умру я,—дѣти малыя
«Совсѣмъ ужъ сироты;
«У нихъ вѣдь нѣтъ и матери;
«Прими подъ кровь ихъ ты!

«Утри слезу съ сиротскихъ глазъ,
«Для внучатъ поживи....
«Теперь, отецъ, въ послѣдній разъ
«Меня благослови.»

Вздохнулъ отецъ, старикъ сѣдой:
«Не мнѣ-бъ тебя сынокъ...»
Онъ началъ, а слеза струей
Изъ глазъ... и онъ замолкъ.

Отецъ—дьячекъ священника—
Сынка благословилъ
И тѣло его брѣнное
Въ могилу опустилъ.

Зарыли гробъ сынучею
Холодною землею;
Омыли холмъ горючею
Сиротскою слезой.

Почтивъ отца духовнаго
Усердною мольбой,
Изъ кладбища церковнаго
Народъ пошелъ домой.

Остались только дѣтушки
Да съ ними дѣдъ сѣдой;
Стоять, прижались къ дѣдушкѣ
И слезы льютъ рѣкой.

Ревутъ и воютъ дѣтушки:
Глубокъ сиротскій вой!

— «Пора», зоветъ ихъ дѣдушка,
«Пора идти домой!»

— «Да гдѣ нашъ домъ-то, дѣдушка?»

«Церковный домъ не свей;

«Насъ выгонять изъ гвѣздышка,

«Куда пойдѣмъ? О-ой!»

«Съ родителемъ разстались,

«Нѣтъ матушки родной;

«Одни теперь остались....

«Ой, дѣдушка, о-ой!»

— «Не плачьте», я съ прошеніемъ

«Къ Владыкѣ поспѣшу;

«За васъ Преосвященнаго

«Усердно попрошу.

«Владыка сострадательнъ

«Къ несчастнымъ сиротамъ;

«Къ нуждѣ—бѣдѣ внимателенъ,

«Поможетъ онъ и вамъ.

«А вы съ тоской сердечною

«Спѣшите въ этотъ храмъ;

«Владычица небесная

«Пошлетъ отраду вамъ.

* * *

Побрелъ домой старинушка
Съ сыновнихъ похоронъ;
Отъ думы и кручинушки
Поникъ главою онъ.

Идетъ и спотыкается,—

Дорога—грязь одна;

Знакомые встрѣчаются:

— «Откуда, старина?»

«А-ль былъ у Вознесенія?

«У сына, знать, гостилъ?

— Да, былъ на погребеніи,—

«Сынка я схоронилъ»...

Пришелъ домой больнехонекъ,

Скорбитъ старикъ душой;

Вздыхаетъ все да охаетъ,

Тоскуетъ день, другой....

Не годы, доля скорбная

Скрутила старика:

Твердитъ про жизнь загробную,

Что смерть къ нему близка:

«Знать, лавотки послѣдніе

«Топчу я на вѣку;

«Ужъ чуетъ сердце бѣдное:

«Не жить мнѣ старику».

И гробъ заблаговременно

Сосновый заказалъ,

Домашнимъ же до времени

Ни слова не сказалъ.

Себя въ дорожку дальнюю
 Готовилъ старичокъ;
 И въ поздній часъ и въ равнину
 Минуту бдѣлъ дьячокъ
 Отъ древнихъ лѣтъ сказанія
 Про жизнь святыхъ людей
 Читалъ для назиданія
 До самыхъ смертныхъ дней.

†

Н е к р о л о т ъ .

Село Стано-Успенское
 [Пречистое—равно]
 Въ дни праздника «Успенія»
 Пріѣзжими полно.

Здѣсь ярмарка трехдневная
 Посудою, скотомъ,
 Платками разноцвѣтными,
 Грибами и холстомъ.

Полны народомъ улицы;
 Все движется, шумить:
 «Эй, бабы, тетки, умницы!...»
 Торгашъ—вулакъ кричитьъ.

Родня къ роднѣ стекается
 На праздникъ годовой;
 Работы прекращаются;
 Веселье, пиръ горой.

На праздникъ съ нетерпѣніемъ
 Степаньчъ ждетъ гостей:
 Внучать отъ Вознесенія,
 Изъ разныхъ мѣстъ дѣтей.

Но гостейка неожиданная
 Явилась всѣхъ впередъ;
 Не въ пору и не званная,—
 Стоитъ ужъ у воротъ.

Въ канунъ предъ самымъ праздникомъ,—
 Обычай вѣковой,—
 Старикъ въ печи попарился,
 Омылъ потъ трудовой.

Съдой, рубашка бѣлая,
Сидитъ какъ снѣговой;
Но вдругъ съ нимъ дурно сдѣлалось,
Случается головой:

«Охъ, ломить что-то голову!
«Въ печи, знать, угорѣлъ;
«Въ вискахъ стучитъ какъ молотомъ....»
И ужинать онъ не сѣлъ.

Однако-же вечернюю
Молитву совершилъ;
Вздыхнулъ о прегрѣшеніяхъ,
Склонился и почилъ.

По утру всталъ ранехонько,
За службу собрался;
Одѣлся и со вздохами
Изъ дому поплелся.

Спросилъ благословенія
И къ службѣ позвонилъ;
Свѣчи съ благоговѣніемъ
Во храмѣ засвѣтилъ.

А силы слабиуть, кружится
Сѣдая голова;
Читать хотѣлъ, натужился,—
Мѣшаются слова.

Въ глазахъ все помутилось,
Лицо—какъ полотно;
Вдругъ ноги подкосились;
Старикъ сѣлъ на окно.

Съ исправностью примѣрною
Дьячокъ всю жизнь служилъ;
Но вотъ въ часы предсмертные

Служака измѣнилъ.

—«Увольте меня!» просится
У батюшки домой;
А самъ вздыхаетъ, ежится,
Понурилъ головой.

—«Да что съ тобой старинушка,
Что сдѣлалось съ тобой?»

—«Совсѣмъ ослабъ, нѣтъ силушки...
«Увольте ужъ домой».

Пришелъ домой не въ время,
Какъ будто-бы въ бреду;
У дочки сердце екнуло,—
Почуяла бѣду.

Въ постель отца уложила;
Гладить: въ немъ—сильный жаръ;
Компрессами обложила,
Согрѣла самоваръ.

Понтъ отца малиною,
Желаетъ пособить;
А сердце подъ кручиною
И ноетъ и болитъ.

Ободрился старинушка,
Хотѣлъ было пройтись;
А встать и нѣтъ ужъ силушки,
И ноги отвалились.

Послышался къ обѣднѣ звонокъ,—
Родной звонокъ для дьячка;
Хотѣлъ перекреститься онъ,—
Не дѣйствуетъ рука.

И повялъ тутъ старинушка,
Что онъ ужъ нежилецъ;

Ослабъ, не стало силушки;
Пришелъ ему конецъ.

— «Ну, дочь моя любимая,
«Прости!» отецъ сказалъ;
«Подкралась смерть незримою;
«Мой смертный часъ насталь...»

«Ты съ ранихъ лѣтъ осталася
«Безъ матери родной;
«Съ хозяйствомъ ты справлялася,
«Дѣлила трудъ со мной.

«Твоя дѣвичья молодость
«Безъ счастья протекла;
«Какъ цвѣтъ, убитый холодомъ,
«Ты вила, не цвѣла.

«Сначала ты заботилася
«О сестрахъ — сиротахъ;
«Себя для нихъ забросила,
«Жила все въ хлопотахъ.

«Какъ слабъ я сталъ, — старалася,
«Ходила ты за мной;
«Со мной не разставалася...»
— «Ой, татенька, ... родной!...»

— «Постой, не плачь, а выслушай
«Въ послѣдній разъ отца;
«Возьми терѣнье, выстрадай
«Всю чашу до конца.»

«За жертвы, за лишенія
«Тебя благодарю;
«Тебѣ благословеніе
«Отцовское дарю.»

И дочь рукою лѣвою

Отецъ перекрестилъ,
И выю ея бѣлую
Слезною оросилъ.

«Вотъ все мое имѣніе,
«Вотъ весь нажитокъ мой;
«Неси свой крестъ съ терѣниемъ!...»
— «Родитель мой, ... О-ой!...»

— «Еще словцо послѣднее:
«Умру, такъ помани
«И тѣло мое брешное
«Въ землѣ похорони.

«А гробъ спроси у старосты:
«Давно я заказалъ;
«Да ты не плачь пожалуйста;
«Прости, я все сказалъ.»

* * *

Пришли священникъ съ дьякономъ
Соборовать дьячка;
Въ подрясникъ новый, нанковый
Одѣли старичка.

За столъ, убранный скатертью,
Какъ гости подвели;
У гостя слезы капали,
Струей изъ глазъ текли.

На лавкѣ подъ иконами
Хозяинъ — гость сидитъ;
Паба полна знакомыми,
У всѣхъ печальный видъ.

Свѣчи зажгли, поставили

Къ подножію креста,
 Къ иконѣ Божьей Матери:
 Священный часъ насталь.
 Въ молитвенномъ собраніи,
 Средь общей тишины,
 Вотъ слышится призваніе
 Къ скорбящимъ и больнымъ.

«Страдающій подъ бременемъ
 Житейской суеты,
 Приди: успокоеніе
 Во Мнѣ обрѣцешь ты....»

Слова любви отрадные
 Проникли въ глубь души:
 Незримо благодатная
 Витала жизнь въ тиши.

Подъ силой благодатною
 Небеснаго Врача
 Затихли все страданія
 И вздохи и печаль.

Запѣли пѣснь церковную,
 Дьячокъ не утерпѣлъ:
 Родная пѣснь, знакомая!—
 И онъ чуть слышно пѣлъ.

Подъ звуки гимновъ сладостныхъ,
 Настроилась душа;
 Глаза блистали радостью,
 Больной легко дышалъ.

* * *

Обрядъ церковный кончился;

Прощаются съ больнымъ...
 Степанычъ просить, молится
 Не помвить словомъ злымъ.

Больной отъ напряженія
 Совсѣмъ ужъ ослабѣлъ;
 Онъ легъ въ изнеможеніи
 На лавку, гдѣ сидѣлъ.

Закрылись очи леныя,
 Сомкнулися уста;
 Жизнь кончилась несчастная;
 Степанычъ ужъ не всталъ.

Молитвой вдохновленная,
 Оставивъ міръ земной,
 Душа, какъ птица вольная,
 Парилъ въ міръ иной.

Осталось только брѣнное
 Въѣстелище души;
 Безъ жизни, безъ движенія
 Холодный трупъ лежитъ.

Съ тяжелой жизнью, скорбною
 Покончилъ счетъ дьячокъ,
 Въ иную жизнь, загробную
 Побрелъ нашъ старичокъ.

А дочка убивается;
 Страданью нѣтъ конца;
 Слезами обливается.
 Цѣлуетъ въ лобъ отца.

Цѣлуетъ руки блѣдныя;
 Родительскую грудь....
 «Какъ жить я буду, бѣдная?
 Скажи мнѣ что нибудь!»

«Ты умеръ, благодѣтель мой;
 «Осталась я одна;
 «И ты не хочешь жить со мной, —
 «Кому же и нужна?!...»

* * *

Къ отцу, къ родному дѣдушкѣ
 На праздникъ годовой
 Спѣшать внучата, дѣтушки,
 Ждутъ ласки дорогой.

«Вотъ, думаютъ, старинушка
 «Насъ выбѣжить верѣчатъ
 «И крѣико, что есть силушки,
 «Въ объятыхъ будетъ жать...»

А вотъ и домъ видѣется:
 Знакомый домъ, родной;
 Въ одномъ окнѣ бѣлѣется:
 «Знать смотреть дѣдъ съдой!»

Одна минута времени,
 И гости на крыльцѣ;
 Стучатся... ветерѣнне
 И радость на лицѣ.

Вотъ кто-то, будто нѣхотя,
 Спускается къ крыльцу....
 «Гостей-то просналъ, дѣдушка!»
 Сыннокъ кричитъ отцу.

Калитка отворилася,
 Большуха вся въ слезахъ;
 На брата повалилася....
 Ни слова, только — «ахъ!...»

— «Да что, сестра, Господь съ тобой,
 «Что сдѣлалось у васъ?»
 — «Ахъ! батюшка-то... нашъ родной...
 «На вѣкъ покинулъ насъ...»

— «Какъ!» что случилось съ батюшкой?»
 — «Да умеръ онъ вчера...»
 — «Какъ умеръ? Что ты, матушка?!
 «Да ты въ умѣ-ль, сестра?»

Спросилъ, а самъ тороится
 На батюшку взглянуть;
 Родному сердцу хочется
 Къ родной груди прильнуть.
 Вбѣжалъ въ крутую лѣстницу;
 Съ трудомъ едва — вздохнулъ;
 Рукой за скобку держится,
 Вмигъ двери распахнулъ, —

* * *

На двухъ столбахъ составленныхъ,
 Въ парчовомъ стихарѣ
 Лежитъ новопреставленный,
 Съдой, какъ въ серебрѣ.

Черты родныи, милая
 Все тѣже, какъ живой....
 Въ тоскѣ, съ душой унылою
 Повикъ сыннокъ главою....

Какъ шелкъ, сѣдые волосы
 Лоснятся на плечахъ;
 Не слышно только голоса,
 Привѣта нѣтъ въ очахъ.

Былъ твердь при испытаніяхъ
Почившаго сынокъ;
Но смерть отца неожиданую
Онъ вынести не могъ.

На грудь родную съ волами
Къ родителю припалъ
И трупъ холодный теплыми
Слезами согрѣвалъ.

Жметъ батюшку въ объятіяхъ,
Вздыхаетъ глубоко...
Родные все заплакали,
Плачь слышенъ далеко.

«Гостей-то ждалъ», своячина
Старуха голосить;
«Взгляни, сынокъ съ внучатами
«Пріѣхалъ погостить!»

Слова старухи рѣзнули
По сердцу, какъ пожомъ;
Забилось оно бѣдное,
И... слытъ изъ дому вонъ.

* * *

Въ селѣ пируютъ весело,—
Радъ празднику народъ;
Дѣвицы, парни съ пѣснями
Заводятъ хороводъ.

Во всякомъ домѣ праздничный,
Веселый слышенъ шумъ;
Съ хозяиномъ пображничаютъ
Пришли и свать и кумъ.

Съ родней хозяинъ ласковый
По сердцу рѣчь ведетъ;
Хозяйка блюда съ яствами
Къ столу имъ подаетъ.

Лишь домъ за черемогами
Стоитъ какъ сирота;
Здѣсь стоны, плачь со вздохами...
Здѣсь пѣсенька не та.

Хозяинъ непривѣтливо
Встрѣчалъ своихъ гостей;
Въ очахъ нѣтъ взгляда свѣтлаго,
Нѣтъ ласковыхъ рѣчей.

Гдѣ столъ былъ прежде съ яствами,—
Сосновый гробъ стоитъ;
Умолкъ хозяинъ ласковый:
Своимъ вѣчнымъ въ гробѣ спитъ.

Изъ оконъ звуки стройныя
Разносятся волной:
То гимны похоронныя
Поютъ за упокой...

* * *

Изъ дому гробъ съ хозяиномъ
На плечахъ понесли;
Родные все съ рыданіемъ
За гробомъ сзади шли.

«Прости хозяинъ!...» старый домъ
Какъ будто простоналъ;
«Построенъ я твоимъ трудомъ;
«Тобой—вѣдь я стоялъ.

- Для стѣнъ моихъ сосновыя
- Ты бревна самъ возилъ;
- Не разъ соложкой новою
- Мою ты крышу крылъ.
- Вдвоемъ до ветхой старости
- Мы прожили съ тобой;
- Дѣлили вмѣстѣ радости
- И плакали порой.
- Не разъ и былъ свидѣтелемъ,
- Какъ ты въ полночный часъ
- Молился предъ Судѣтелемъ
- И слезы лилъ изъ глазъ.
- Когда-жъ въ родное гнѣздышко
- Стекалась вся семья,
- Съ тобой, хозяинъ — дѣдушка,
- Вѣдь, радовался я.
- Жизнь мирная, спокойная
- Въ стѣнахъ моихъ тебѣ;
- Семья, тебѣ покорная,
- Въ согласіи жила.
- Твоимъ пріемомъ ласковымъ
- Да вкуснымъ пирогомъ
- Твой ветхій домъ для всякаго
- Тепелъ былъ и знакомъ.
- Со мной дружились нищіе,
- Что бродятъ вѣкъ съ сумой;
- Богачъ и саномъ высше
- Не брезговали мной.
- Теперь что будетъ — станется
- Со мной, со старикомъ?
- Кому пойдетъ — достанется

- Дьячковскій старый домъ?
 - Кому теперь захочется,
 - Чья добрая рука
 - Во время позаботится,
 - Прикроетъ старика?
 - Придутъ-ли внуки, дѣтушки
 - Въ родной домъ побывать:
 - Ужъ нѣтъ кормильца — дѣдушки...
 - Кому ихъ приласкать?
 - Найдутъ-ли безпріютные
 - Въ дому твоёмъ пріютъ;
 - Или скажутъ только грустное:
 - Не стало и — уйдутъ?...
- Домъ стонетъ, сокрушается,
Накренился, скрипитъ....
А гробъ все удаляется,
Въ гробу хозяинъ спитъ.
- Черемухи душистыя
Подъ легкимъ ветеркомъ
Печально шепчутъ листьями,
Прощаясь съ старичкомъ:
- Прости, хозяинъ — дѣдушка!
 - Вѣдь ты насъ посадилъ;
 - Твой мы, значитъ, дѣтушки,
 - За нами ты ходилъ.
 - Во время дѣта знойнаго
 - Водой насъ поливалъ;
 - А въ зимушку морозную
 - Соложкой прикрывалъ.
 - Отъ злой руки безжалостной
 - Ты насъ огородилъ;

• И въ горюшкѣ и въ радости
• Подъ тѣнь къ намъ приходилъ.

• Когда цвѣли мы, вѣжились
• Весеннею порой,
• Ты цвѣтъ душистый бережно
• Срывалъ своей рукой....

• Прости, нашъ добрый дѣдушка,
• На вѣкъ теперь прости!
• И намъ ужъ, твоимъ дѣтушкамъ,
• Знать, больше не цвѣсти.

Черемухи прощаются,
Какъ плачутъ, шелестятъ;
Вѣтвями приклоняются:
«Прости, прости!» твердятъ.

Но дѣдъ не просыпается,—
Глубокъ его былъ сонъ.
Къ храму приближаются,
А тамъ унылый звонъ.

Гудитъ церковный колоколъ,
Реветь, а не звонитъ;
Съ покойнымъ онъ вѣдъ смолоду
Привыкъ вдвоемъ служить.

Морозъ-ли въ тридцать градусовъ,
Мягелъ-ли, вьюга вѣетъ,
На высь въ четыре яруса
Старикъ съдой ползетъ.

Рукою гладитъ колоколъ
И молвить: «что большакъ?
• Озябъ, чай, ты отъ холоду.
• Вѣдъ, вишь морозитъ какъ!

• Давай-ка, братъ, погрѣмся,

• Ударимъ разъ другой!
• Съ морозомъ силой мѣряться
• Вѣдъ, намъ ужъ не впервые,
• Къ молитвѣ общей, утренней
• Разбудимъ сонный людъ....
• Ну — ну, дружокъ, бери, сильнѣй,
• Расправь плечо и грудь!

Въ отвѣтъ большакъ увѣсистымъ
Молчетъ языкомъ,
И гулъ по всей окрестности
Разносится: бомъ...., бомъ....

Не стало друга вѣрнаго,
И колоколъ унылъ;
Не тотъ ударъ, не прежняя
Рука, и онъ завылъ....

И воетъ онъ, и сердится,
Что дерзкая рука
Слушаккой старымъ тѣшится,
Безъ толку бьетъ въ бока.

* * *

Во храмѣ гробъ поставили,
Гдѣ много лѣтъ служилъ
Дьячкомъ, новопоставленный
Степаньчъ старожила,
Гдѣ службы всѣ церковныя
По чину отправлялъ
И духъ мятежный въ горниа
Селенья устремлялъ,
Гдѣ душу свою скорбную

Въ молитвѣ изливала
 И силу благотворную
 Незримо ощущала.
 Теперь, при удаленіи
 Изъ жизни сей земной,
 Принять благословеніе
 Пришелъ онъ въ храмъ родной;
 Пришелъ въ сопровожденіи
 Родныхъ и прихожанъ;
 Всѣ лица въ сокрушеніи,
 Не веселъ былъ и храмъ.
 Вѣдь—всѣ привыкли къ пѣнію
 Степаныча—дьячка;
 Любили слушать чтеніе
 Сѣдого старичка.
 Вотъ тутъ, на этомъ клиросѣ,
 Старикъ—Степанычъ пѣлъ;
 Уста его сплотилея,
 И клиросъ опустѣлъ.
 Вотъ тутъ, предъ возвышеніемъ,
 Гдѣ гробъ теперь стоялъ,
 Въ священномъ облаченіи
 «Апостоль» онъ читалъ.
 Отсюда въ жизнь загробную
 Другихъ онъ провожалъ;
 Теперь, храня безмолвіе,
 Во гробъ самъ лежалъ.
 Не онъ, его напутствуютъ
 Въ загробную страну;
 Всѣ скорбь въ разлукѣ чувствуютъ,
 Жалѣютъ старину.

* * *

Всѣ гимны погребальныя
 Прошли надъ дьячкомъ;
 Насталъ моментъ прощальнаго
 Лобзанья съ старичкомъ.
 Товарищъ по ученію
 Священникъ Михаилъ *)
 Товарища почтеннаго
 На путь благословилъ;
 Съ сердечнымъ сокрушеніемъ
 Его облобызала,
 И слово задушевное—
 Прощальное сказалъ:
 «Прости, товарищъ! вѣчную
 «Ты память заслужилъ;
 «Добротою сердечною
 «Ты выше многихъ былъ.
 «Ты жилъ трудами честными;
 «Възъ черный хлѣбъ съ водой;
 «Кускомъ дѣлился съ бѣдными,
 «Что борются съ нуждой.
 «Богатству не завидовалъ
 «И славы не искалъ,
 «Не звалъ ты этихъ идиоловъ;
 «Ты Бога только звалъ.
 «Сокровища нетѣлныя
 «Стяжалъ ты для души;
 «Ты братомъ былъ для бѣднаго,

*) Заштатный священникъ села Гематова, Любимскаго уѣзда, Яросл. епар. О. Михаилъ Великосельскій.

- Творилъ добро въ тиши.
- Такъ мелкій дождь безъ молніи,
- Безъ грома, безъ вѣтровъ,
- Творить добро въ безмолвіи,
- Даетъ жизнь для плодовъ.
- Ты шелъ тропинкой тѣсною
- Безправнаго дьячка;
- Но всѣ мы знаемъ честнаго
- Служаку — старичка.
- Дьячокъ по положенію,
- Ты былъ высокъ душой,
- Ты несъ свой крестъ съ терпѣніемъ
- До старости сѣдой.
- Ты много въ жизни выстрадалъ
- И нужды и скорбей;
- Но ропота не высказалъ
- На Бога и людей.
- Исправный по служенію,
- Примѣрный семьянинъ,
- Ты былъ великъ смиреніемъ
- И честностью. Аминь.

* * *

Рыданія надгробныя,
 Немолчный стонъ и вой
 Подъ сводами церковными
 Разносятся волной.

Рыдаютъ, воютъ дочери,
 Ко гробу приросли;
 Онѣ бы и не кончили,

- Да гробъ ужъ понесли,
 На кладбище церковное
 Усопшаго несутъ,
 А стоны колокольные
 Такъ за душу и рвутъ.
- Рыданье непрестанное
 И стонъ во всѣхъ мѣстахъ,
 Лишь самъ новопреставленный
 Съ улыбкой на устахъ.
- Да солнце улыбалось
 Съ небесной вышины,
 И грѣло и ласкалось,
 Цѣлуя въ сѣдины.
- Такъ мать въ дочь любезную,
 Когда та сладко спитъ,
 Цѣлуя въ щечку нѣжную,
 Съ улыбкою глядитъ.
- Пропѣли «память вѣчную»
 Усопшему рабу
 И трупъ въ могилку тѣсную
 Поставили въ гробу.
- Землею гробъ засыпали;
 Народъ пошелъ домой;
 А сзади вопли слышались:
 «Увы, родитель мой!....»
- «Увы, родитель — батюшка....
 И ты покинулъ насъ;
 Скажи тамъ нашей матушкѣ,
 Что мы скорбимъ по васъ;
- «Что съ скорбію сердечною
 Ложимся и встаемъ;

«Льемъ слезы неутѣшныя
 «На вашъ могильный холмъ,
 «Кто лаской, попеченіемъ
 «Утѣшитъ насъ, какъ вы?
 «Одно намъ утѣшеніе
 «Въ слезахъ... Увы....., увы...!

СЫНОВНЯЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ.

Внемли, отецъ, привѣту сына!
 Прими признательность мою;
 Тебѣ въ посмертную годину
 И пѣснь сердечную пою.

Тебя ужъ нѣтъ; твой образъ милый
 На вѣкъ сокрылся отъ очей;
 Предъ нами лишь одна могила
 Да крестъ изъ дерева на ней.

Твой трупъ изъѣденъ ужъ червями
 И обратился въ прахъ земной;
 Но вѣрю я, душой ты съ нами;
 Отецъ! ты слышишь голосъ мой.

Надъ этой свѣжею могилой,
 Припоминая жизнь твою,
 Тебѣ, родитель добрый, милый,
 И душу выскажу свою.—

Ты далъ мнѣ жизнь и съ жизнью силы,
 Чтобъ росъ, мучалъ и крѣпнулъ я;
 Отъ сердца бьетъ струей по жиламъ
 Во мнѣ родная кровь твоя.

Отъ чрева матери за бабу
 Ты самъ меня воспринималъ;
 Глядѣлъ на мать съ улыбкой сладкой,
 А сына къ сердцу прижималъ.

Съ утра весь день въ трудахъ, на дѣлѣ,
 Забывши отдыхъ и покой,
 Ты ночью сына въ колыбели
 Качалъ усталою рукой.

Рука усталая слабѣла
 И сонъ тебя одолѣвалъ;
 Заря ужъ утренняя рдѣлась,
 А ты качалъ, не отставалъ.
 Качалъ, въ дремотѣ думой бредилъ,
 Какъ сына выростить, поднять.
 Кто въ жизни бѣдности не вдалъ,
 Ему той думы не понять.
 Когда повьросъ твой сынишка,
 Когда и началъ ленетать,
 Ты далъ съ картинками мнѣ книжку
 И самъ училъ меня читать.
 Я помню: осень; вѣтеръ востъ;
 По стекламъ мелкій дождь дробить.
 Семья вся дома. Ты съ пилюю,
 А сынъ за книжкою сидитъ.
 Подъ крѣпкой жилистой рукою
 Визжитъ шлифованная сталь;
 Съ лица и съ шеи потъ струю
 Катился: труженикъ усталъ.
 Пила визжала и стонала,—
 Устала, видно, и она;
 Пила желѣзная устала!
 А плечи, руки, а спина?
 Желѣзо, сталь—и тѣ слабѣютъ;
 Ихъ точать брусомъ, чистить, тругъ;
 А бѣдный труженикъ потѣетъ
 И тернить нужду лишь за тругъ.
 Пилу повѣсилъ; грудью полной
 Вздохнулъ, не сѣлъ ты, а упалъ;
 Меня—сынка рукою потной

Погладилъ, словомъ приласкалъ:
 «Учись, сынокъ, молися Богу!
 «Ученье сладкій плодъ даетъ;
 «Ученымъ торная дорога,
 «Она изъ тьмы на свѣтъ ведетъ.
 «Учись, трудись и будешь умнымъ;
 «Тебѣ же влюбится потѣмъ;
 «Не вкусишь этой жизни трудной,
 «Счастливо будешь жить попомъ.
 «Отецъ твой мало поучился,
 «И вотъ служу теперь дѣйчкомъ;
 «Съ нуждой да съ горемъ подружился,
 «Хожу въ повитникѣ худомъ.
 «Кажись, не мало работаю,
 «Тружусь, до полночи не сплю;
 «Напрасно гроша не мотаю,
 «А нужду крайнюю терплю.
 «Учись, сынокъ! и счастливъ будешь;
 «Не будешь знаться съ топоромъ;
 «Ты легче хлѣбъ себѣ добудешь
 «Науки словомъ да перомъ.
 «Не въ этой тѣсной, дымной хатѣ
 «Ты будешь жить, какъ я теперь;
 «А въ свѣтлыхъ горницахъ—палатахъ....
 «Учись, сынокъ, отцу повѣрь!»
 Тебѣ я вѣрилъ и старался;
 Твой добрый, искренній совѣтъ:
 «Учись!»—онъ въ кровь мою всосался,
 Его я помню съ дѣтскихъ лѣтъ.

* * *

Въ глухую осень и зиму

Читая сына ты обучалъ;
Весной и лѣтнею порою

Къ работамъ сельскимъ приучалъ.

Въ лугахъ, во время сѣнокосу,

Съ тобой я сѣно огребалъ.

Когда мы шли домой съ покосу,—

Съ тобой я, помню, все болталъ.

Тебя я спрашивалъ о многомъ:

Кто травку сѣетъ на лугахъ;

Кто дождь льетъ съ неба голубого;

Кто солнце держитъ въ небесахъ.

И ты языкомъ мнѣ понятнымъ

Со мной о Богѣ говорилъ,

Что Онъ весь міръ сей необъятный

Всесильнымъ словомъ сотворилъ;

Что этотъ чудный міръ, прекрасный

Для насъ устроилъ Богъ—Творецъ,

Что Онъ печется ежечасно

О насъ и любить какъ отецъ;

Что мы должны Ему молиться,

Любить Его, благодарить;

Должны смиренно преклониться

Предъ Нимъ и помощи просить.

И сынъ твой слушалъ съ умиленьемъ

Простой, сердечный твой рассказъ;

Глядѣлъ на міръ съ благоговѣньемъ

Его невинный дѣтскій глазъ.

Окончивъ мирно ужинъ скромный,

Ты вслухъ читалъ молитвы намъ

На сонъ, вздыхая грудью полной,

Вперивши взоры къ небесамъ.

Мы—дѣтки вдругъ тебя стояли;

Съ простою дѣтскою душою

Слова молитвы повторяли,—

Молитвы искренней, живой.

А въ храмъ Божию на клиросъ

Съ собой сына ты становилъ...

Съ тобой, отецъ, я жилъ и выросъ;

Ты дядькой, иѣстуномъ мнѣ былъ.

* * *

Пришла пора учиться въ школу,—

Сынку минуло десять лѣтъ.

Лихая дьяческая доля!

Учи дѣтсѣ, а денегъ нѣтъ.

Вернулся ты, я помню, съ поля;

Усталый, сѣлъ подлѣ стола:

—«Ну, мать», сказалъ ты, «сына въ школу

«Пора везти намъ,—поняла?»

«Пальтишко нужно сшить, тулупчикъ,

«Бѣлье, постельку, сапоги;

«Да денегъ надо....

—«Да, голубчикъ:

«А деньги гдѣ? Одни долги.

—«Да; денегъ нѣтъ, не накопилъ;

«Овса иль ржи хоть бы продать,

«Такъ мало вишь намолотили:

«Придется послѣ голодать.

«Такъ какъ же быть-то, что намъ дѣлать?

«Гдѣ денегъ взять сынка собрать?

—«Да что, Степанычъ, не хотѣлось,

«А, видно, нуженъ ужъ продать.

— «А что продать-то?»

«— Да буренку;

«Пробудемъ годъ безъ молока;
«А въ зиму выкормимъ теленка;
«Веди корову къ мясникамъ.»

Настало утро. Скотъ согнали
Пастись на сочные луга;
Буренку дома привязали:
Мычить съ веревкой на рогахъ.

Сестренки грустно такъ вздыхаютъ,
Кусочки хлѣбца ей даютъ;
Глядятъ на мать, не понимаютъ,
Зачѣмъ буренку продаютъ.

И ты вздохнулъ, на дѣтокъ глядя,
И свелъ корову со двора;
Повелъ ее не въ лугъ, не въ стадо;
На торгъ, сынку благодаря.

Корову дойную—буренку
Для сына ты не пожалѣлъ;
Въ пальто, тулупъ и сапожки,
Раздѣвъ себя, сына одѣлъ.

Одѣлъ ты сына, собралъ въ школу;
Молебень въ храмъ отслужилъ;
Пошелъ, привелъ лошадку съ поля,
Въ телѣгу чалка заложилъ.

— «Ну, мать», спросилъ ты, «все-ль готово?»

«Нора намъ ѣхать: путь далекъ.»
Перекрестилъ меня рукою,
Сказалъ: «Прости; учись, сынокъ!»

И мать меня благословила;
Я въ груди матерней прижалъ;

«Прости!», она мнѣ говорила;
А я навзрыдъ уже рыдалъ.

Рыдалъ я горько и глубоко;
Сердечныхъ, жгучихъ слезъ напоръ
Меня душилъ: теперь потокомъ,
Тѣ слезы хлынули... И воръ!...

И воръ, мнѣ чудилось, грабитель!...
Отца и мать я обобралъ.
Мнѣ было жаль тебя, родитель,
Сестерь и мать: и я рыдалъ,

И сестры тоже приуныли;
Упрекъ въ ихъ взглядахъ я читалъ;
Они какъ будто говорили:

«Ты, братъ, кругомъ насъ обобралъ.»

Раздался въ люлькѣ плачь ребенка,—
Дитя просило молока;
А гдѣ оно? Вѣдь нѣтъ буренки;
Буренки нѣтъ изъ за сына.

Рыданья дѣтскія не въ уши
Врывались, нѣтъ; они ножомъ
Вонзались, рѣзали мнѣ душу;
Они мнѣ сердце жгли огнемъ.

Но вы мени не укоряли,
За то что я васъ обобралъ;
Вы только счастья мнѣ желали,
Чтобъ я учился, не скучалъ.

— «Не плачь, сынокъ!», сказалъ ты съ лаской;

«Учись, по домѣ не скучай;
«Тебя на святки и въ Пасху
«Мы будемъ братъ домой, — ты знай.

«Тебѣ писать мы письма будемъ;

•И ты пивши намъ, отвѣчай;
•Тебя, дружокъ, мы не забудемъ;
•Учись, будь скромень, не скучай!».

Должно быть, вы тогда не знали,
О чемъ такъ горько и рыдалъ;
Мнѣ было жаль, что вы страдали
Изъ за меня, — и я страдалъ.

* * *

Простились съ горькими слезами,
Сынка, какъ барина, въ задокъ
Ты усадилъ; а самъ съ возжами,
Какъ кучерь, сѣлъ на передокъ.

— «Ну, съ Богомъ въ путь!» и ты возжею
Слегка по лошади стегнулъ.
Изъ глазъ у матери струею
Катились слезы; я вздохнулъ.

Село проѣхали и поле;
Дорога лѣсомъ повела;
Дорога — гризь, съ горы да въ гору;
Лошадка шагомъ еле-шла.

Съ горы — на козла ты взмощалея,
Возжею чалка поговилъ;
А въ гору, грязью — самъ впрягался
Въ телѣгу, чалку помогаль.

Погода мокрая стояла:
Осенній мелкій дождь, туманъ;
Сынку на плечи покрываломъ
Съ отцовскихъ плечъ пошелъ кафтанъ.

Тепло и сухо было сыну;
А съ плечъ твоихъ текла вода;
Тебѣ насквозь пробило синну;

Ну что-жъ? Для сына — не бѣда.
На третій день уже не рано, —
«Смотри, сынокъ!» ты мнѣ сказалъ:
Губерискій городъ передъ нами
Въ своемъ величьи стоялъ.

Дома все каменные, храмы;
Повсюду здѣсь и тамъ кресты;
Дома сплотились рядами:
Громадно все и все блестить.

Предъ самымъ городомъ, какъ море,
Рѣка съ судами на волнахъ;
За нею высится стѣною
Роскошный берегъ въ деревьяхъ.

Мы долго ждали перевозу:

— «Ей ты, кутейникъ, осадилъ!» —
Кричалъ хозяинъ; — «видишь, возы
•Съ товаромъ ѣдутъ впереди.»

— «Да мнѣ, почтенный, къ сроку надо»,
Ты, снявши шапку, умолялъ.
— «Ну вотъ еще, свое заладилъ;
•Ступай назадъ, тебѣ сказалъ!»

И ты отвелъ въ сторонку чалка,
Сѣнца ему подбросилъ, ждалъ....
Тебя, отецъ, мнѣ было жалко,
Какъ ты, весь мокрый, ждалъ, дрожалъ *).

*) Лѣтъ 30 тому назадъ, переправа черезъ р. Волгу производилась по пароходомъ, какъ теперь, а на веслахъ и на шестахъ: переправа очень медленная и не особенно безопасная. Подолгу приходилось дожидаться, особенно въ базарные дни и въ вѣтреную погоду. Люди состоятельные шли въ трактиръ, а бѣдняки стояли тутъ на берегу, дрожали и мокли отъ холоду и дожда.

Сумерки, помню, наступили,
Какъ насъ впустили на поромъ;
Всѣ сняли шапки и крестились,
Гребцы работали весломъ.

«Ну, слава Богу! хоть не рано»,
Сказалъ ты, — «въ городъ попадемъ;
•А завтра утромъ, только встанемъ,
•Съ тобой мы къ ректору *) поидемъ».

Сынка въ училище пристроилъ;
Что могъ, все сдѣлалъ для него.
Расходъ дьячковскихъ средствъ утронлъ,
Остался самъ безъ ничего.

Въ долги навѣчно погрузился:
Три сына было у тебя;
Ты съ нами тридцать лѣтъ возился,
Для насъ измучилъ ты себя.

Ты всѣхъ насъ на ноги поставилъ,
Далъ средства къ жизни, открылилъ;
Себѣ-жъ на старость что оставилъ?
Одни долги да слабость силъ.

Но ты богатъ былъ добротою,
Любовью къ дѣтямъ не скудѣлъ;
Когда ты насъ уже устроилъ,
О насъ все думалъ, намъ радѣлъ.

Сынку — поцу на новоселье
Въ кюфтѣ образъ ты вручилъ;
Далъ дровни, рукъ своихъ издѣлье,
Да какъ съ приходомъ жить, училъ:

*) Высшій смотритель училища до реформы назывался ректоромъ.

«Сойтись съ приходомъ постарайся;
•Будь ласковъ, добръ, не вымогай;
•Ты бѣдныхъ, Ваня, не гнушайся,
•Въ нуждѣ и въ горѣ помогай.

•Несправнымъ, добрымъ поведеньемъ
•Примѣромъ будь для мужичковъ;
•Простымъ, сердечнымъ наставленьемъ
•Вселяй въ нихъ вѣру и любовь.

«Врачуй душевныя ихъ раны,
•Вливай отраду въ ихъ сердца:
•Тогда тебя и прихожане
•Поймутъ, полюбятъ какъ отца.»

А я къ тебѣ со всей семьею
Всегда на лѣто прѣзжалъ;
Встрѣчалъ ты насъ съ душой родною,
Съ слезой горячей провожалъ.

Своей отеческой рукою
Ты насъ крестилъ — благословлялъ;
Съ сѣдой открытой головою
Стоялъ, «простите!» намъ взывалъ.

•Почаще письма присылайте;
•И въ нихъ васъ вижу наяву;
•Меня — отца не забывайте;
•Для васъ и вами я живу».

«Для васъ живу», — сказалъ ты вѣрно;
Для насъ ты жилъ, не для себя;
Ты былъ родителемъ примѣрнымъ;
Ты прожилъ жизнь, дѣтей люби.

Для насъ потратилъ силы тѣла,
Какъ волъ рабочій подъ ярмомъ;
Не только тѣломъ, ты всецѣло

Для насъ жилъ сердцемъ и умомъ,
Примѣромъ добрымъ, вразумленьемъ.
Ты въ насъ носила сѣмена
Любви, добра, труда, терпѣнья;
Тобой въ насъ вѣра вселена.

Твой пульсъ не кровью колыхался,—
То билъ ключомъ, то замиралъ,—
Любовью къ дѣтямъ; ослабился
Отъ скорби, въ радости стучалъ.

Ты какъ зерно на доброй почвѣ
Себя для насъ похоронилъ;
Направивъ силы жизни къ почкамъ:
Самимъ—собой ты насъ вскормилъ.

Какъ солнце теплыми лучами,
Ты намъ свѣтилъ и согрѣвалъ;
Какъ дождь весенними струями,
Ты благу жизни въ насъ вливалъ.

Какъ зоркій, бдительный садовникъ,
Ты насъ отъ порчи охранялъ;
Траву выпалывалъ, терновникъ:
Изъ сердца зло искоренялъ.

Какъ дубъ развѣсистый, могучій,
Что славу крѣпостью стяжалъ,
Отъ насъ ты жизненные тучи
Своею грудью отражалъ.

Но вотъ надъ нами разразилась
Гроза и ранила стрѣлой:
Мы—дѣти матери лишились,
На вѣкъ простился ты съ женой.

Какъ блекнуть слабыя былинки,
; Безъ влаги вянуть въ лѣтній зной:

Грустили дѣтки—сиротинки
Въ разлукѣ съ матушкой родной.
Скорбѣли мы, душой страдали
И горько плакали по ней;
Любви мы матерней искали,
Что насъ ласкала съ юныхъ дней.

Но кто же дѣтокъ такъ полюбить,
Какъ страстно любящая мать?
Кто такъ, какъ мать, ласкать ихъ будетъ
И крѣпко къ сердцу прижимать?

Страдали мы; а ты сугубо
Страдалъ за насъ и за себя;
И плачь дѣтей и смерть подруги
Терзали, мучили тебя.

Ты былъ въ злосчастномъ положеньи,
Не зналъ, какъ горе пережить;
Но ты прибѣгъ за утѣшеньемъ
Къ Тому, Кто въ силахъ пособить.

И Оазъ, душевныхъ ранъ цѣлитель,
Тебя утѣшилъ, подкрѣпилъ;
Господь, сироткамъ покровитель,
Твой взоръ на дѣтокъ обратилъ.

Лишась любимицы супруги,
Себя ты отдавалъ для дѣтей;
Любовь, заботы усугубилъ
О насъ, оставшись вѣрнымъ ей.

Какъ храбрый воинъ въ полѣ бранномъ,
Броней молитвы защитись,
Стоялъ ты твердо, неустанно,
Крестомъ съ соблазнами борясь.

Съ любовью къ намъ, съ молитвой къ Богу,

Врага ты храбро отразилъ;
И жизни трудную дорогу
Прошелъ, себя не посрамилъ.

И намъ — сынкамъ примѣръ оставилъ,
Какъ честно жить, любить семью;
Какъ чтить Создателя наставилъ...
За то и пѣснь тебѣ пою.

Внемли-жь, отецъ, привѣту сына!
Прими признательность мою;
Тебѣ въ посмертную гедину
И душу высказалъ свою.

Прими привѣтъ мой и незримо,
Какъ прежде, насъ благословляй;
Дѣтей своихъ, внучатъ любимыхъ
Ко благу въ жизни направляй.

А мы сыновнею душою
Молиться будемъ за тебя,
Чтобъ Царь небесный упокоилъ
Твой духъ въ селеньяхъ у Себя.

Благодарный сынъ.

